

Жун Цзюэ обнаружил, что в последнее время выходить в интернет стало практически негде — Тан Фэйбай вдруг резко перестал пропадать из дома. Теперь тот целыми днями сидел взаперти: то стучал по клавишам, набрасывая что-то в документах, то рисовал. Однажды Жун Цзюэ подобрался поближе и заглянул — на всех рисунках главными героями оказались до боли знакомые персонажи: или он сам, или Сунсун, хотя его собственное изображение встречалось всё-таки чаще.

Что происходит? Неужели бросил дипломную работу? Жун Цзюэ занервничал. Он ведь всё тщательно распланировал: вбрасывать информацию постепенно, намёками, ловить рыбу с дальним прицелом, наращивать аудиторию шаг за шагом. А без доступа к сети весь этот план рассыпался на глазах. Так он только хейтеров наберёт, но не фанатов.

Жун Цзюэ совсем извёлся и попробовал воззвать к 007. Тот выслушал и ответил одной фразой:

— Система оказывает поддержку исключительно хозяину. Решать подобные проблемы — не в её компетенции.

На кой ты тогда вообще нужен?!

Жун Цзюэ мысленно скрежетнул зубами и в очередной раз укрепился в убеждении: система-гад — полнейшее недоразумение. Никакого толку, одни убытки, ещё и в котика превратила.

Впрочем, было и утешение: несмотря на то что очки фанатов упали до пары десятков, дальше они не падали — держались на ровном плато, а порой даже подрастали на несколько единиц. Все эти новые фанаты появлялись благодаря тому, что Тан Фэйбай периодически выкладывал его фотографии на Вэйбо.

Кстати, о Вэйбо. Тот аккаунт, где Жун Цзюэ сам публиковал снимки, всё-таки попал в поле зрения Тан Фэйбая — неудивительно, ведь тот видел, как куча людей тегают его в комментариях. Перейдя по ссылке, он обнаружил, что страничка уже удалена, и тогда разместил у себя запись с благодарностью всем, кто беспокоился. Жун Цзюэ как раз в тот момент лежал у него на руках и вовсю катался, успев вытереть об него целую охапку шерсти. Увидев ту запись, он отчего-то почувствовал что-то вроде угрызений совести — поднял голову, оценил выражение лица Тан Фэйбая. Тот выглядел совершенно безмятежно. Жун Цзюэ выдохнул.

— Эх, — вздохнул Тан Фэйбай, наклонившись и чмокнув его в макушку, — моя принцесса слишком популярна — кто-то уже начал воровать твои фотографии. Пожалуй, не стоит больше делиться ими с посторонними.

Жун Цзюэ зарылся мордочкой в его ладони. «Моя принцесса» — от этих слов у него буквально подкашивались лапы.

Да, без интернета было тяжело. Но всё-таки пусть бы Тан Фэйбай лучше оставался дома, чем

пропадал неизвестно где. Потому что сидеть вдвоём с Сунсуном в пустой квартире было невыносимо скучно.

Особенно с тех пор, как Жун Цзюэ однажды хорошенько отметелил Сунсуна и тот переосмыслил своё место в иерархии. Раньше Сунсун слушался его, очарованный красотой, — теперь же, когда выяснилось, что боевые показатели Жун Цзюэ на несколько порядков выше, Сунсун окончательно признал чужое превосходство. Теперь он беспрекословно выполнял любое указание, а во время совместных игр держался подчёркнуто осторожно — боялся лишний раз задеть и снова нарваться.

Вот это и навевало тоску: смиренный подчинённый — скучный партнёр.

Впрочем, пару дней спустя Жун Цзюэ вдруг понял кое-что важное. Присмотревшись к рисункам Тан Фэйбая, он осознал: тот рисовал вовсе не просто так. Это были раскадровки. Схематичные, лаконичные — но раскадровки.

Неужели Тан Фэйбай собирается сделать их с Сунсуном героями своей дипломной работы?

От одной только этой мысли Жун Цзюэ немедленно охватило возбуждение. Пока Тан Фэйбай мылся в душе, он перелистал рисунки ещё раз — и всё больше убеждался: именно так. Господи, сыграть главную роль у кумира — это же надо выложиться на все сто!

Когда Тан Фэйбай вышел из ванной, прямо на него с разгона налетел белый комок. Всё произошло так внезапно, что тот не успел поймать Жун Цзюэ — он врезался в живот, все четыре лапы вразлёт, и в попытке удержаться намертво вцепился в полотенце. А полотенце, обёрнутое только вокруг бёдер, было закреплено весьма ненадёжно — и вместе с Жун Цзюэ торжественно съехало на пол.

Тан Фэйбай, который как раз тёр голову и внезапно обнаружил себя без полотенца:...

Жун Цзюэ, барахтающийся на полу в складках этого самого полотенца:...

Ну... считается ли это бонусом? Жун Цзюэ навёл на Тан Фэйбая пару глубоко-синих глаз и методично, сверху донизу, осмотрел его с самым серьёзным видом. После чего где-то в нижней части живота ощутимо что-то ёкнуло... Кажется... это немаленько...

Тан Фэйбай опомнился и тихо вздохнул. Наверное, стоит порадоваться, что его принцесса — воспитанный котик и не пустила в ход когти? Представив, как самое уязвимое место получает когтистую оплеуху, он невольно передёрнулся и поспешил одеться.

Жун Цзюэ с сожалением смотрел, как Тан Фэйбай закутывается с ног до головы. Ну и зачем такие строгости дома?

Тан Фэйбай подошёл, подхватил Жун Цзюэ на руки. Тот сам нашёл удобную позу — и наблюдал, как хозяин снова принялся за рисунки. В этот вечер тот работал с каким-то особым воодушевлением и засиделся далеко за полночь.

На следующее утро ни Жун Цзюэ, ни Сунсун завтрака не дождались.

Сунсун всё-таки не выдержал — пискнул пару раз, и тут же схлопотал лапой по башке. Жун Цзюэ не хотел будить Тан Фэйбая, но голод в конце концов взял своё. Пришлось использовать Сунсуна как ступеньку — перешагнуть через его голову и запрыгнуть на кровать. А что поделаешь с такими короткими лапами?

Жун Цзюэ преодолел это расстояние с видом бывалого первопроходца и аккуратно устроился у Тан Фэйбая на груди. Тот даже не шелохнулся — спал как убитый, нимало не смущённый лишним весом в виде одного кота.

Жун Цзюэ смотрел на его спящее лицо и думал: с такой внешностью он, пожалуй, мог бы съесть лишнюю порцию риса. Жаль только, что никакой порции пока не предвидится.

Он наклонился и лизнул Тан Фэйбая по подбородку. Никакой реакции. Лизнул ещё раз. По-прежнему ничего. Жун Цзюэ уставился на красиво очерченные губы хозяина, сглотнул — и не устоял перед искушением: наклонился и поцеловал.

Поступок был откровенно неприличный, и Жун Цзюэ сам себе немного противился — но... он всё-таки поцеловал своего кумира! Внезапно показалось, что даже без завтрака это того стоит. Ощущение было слишком хорошим, чтобы остановиться, — и он снова потянулся к губам, на этот раз ещё и лизнул.

Должно быть, это кропотливое приставание всё же возымело действие: Тан Фэйбай почувствовал щекотку на губах и непроизвольно провёл языком. Кончик языка наткнулся на что-то пушистое. Тан Фэйбай медленно открыл глаза — и прямо перед собой увидел белый комок.

Жун Цзюэ на мгновение смутился. Красть поцелуй у спящего — это уже совсем низко. Он инстинктивно попятился и попробовал спрыгнуть.

Но Тан Фэйбай уже поймал его — подхватил под мышки и поднял.

Жун Цзюэ повис в воздухе, задние лапы бессильно болтались вниз. Поза была такая, что всё нижнее хозяйство как на ладони. Он вспомнил, как несколько дней назад Сунсуна кастрировали, — и в собственном животе ощутимо что-то сжалось.

Тан Фэйбай смотрел на него ещё сонным взглядом и произнёс:

— Доброе утро, моя принцесса.

— Мяу-а-а-а~

«И тебе доброго утра, мой кумир!»

<http://bllate.org/book/17567/1711407>